

Муз. обозрение. — Виктор Козлов: 1996. — окт. (№ 10). — с. 7.

Виктор Козлов: "Так дальше жить нельзя, или Оркестранты, объединяйтесь!"

Министерство культуры объявило о частичном снижении зарплаты работникам театров, оркестров, музеев, архивов, библиотек. Если вспомнить, что такой чести не удостоивались ни шахтеры, ни нефтяники, ни энергетика, то я в этом поступке усмотрел бы скорее деликатность, может — даже призыв к действию. Совсем как в известном анекдоте: "Вы не скажете, как пройти в Большой театр?" — "Делом займись, дорогой, делом!"

Митинговые страсти — не лучшая тема для анализа, но и они дали некоторую пищу для размышлений. К примеру, кто выступил на митинге в Москве 4 октября? Поэт, пианист, музейный работник, два драматических артиста... и ни одного оркестранта! Чуть не забыл — выступали директоры оркестров! А что же мы, оркестранты? — Слушали и даже (по согласованию с директорами) в начале и в конце собрания сыграли Марш Шопена — как трогательно, сами себя похоронили. И не возмутились, что на митинге отсутствовали те, кому был адресован Марш и пафос выступления! Но мы опять поступили по лабушской поговорке: "Кочум был великий человек." Для себя я давно сделал безрадостный вывод: мы приучены, что за нас все будут решать другие.

В то же время "в Центральном Доме актера... без лишнего шума встретились ведущие актеры московских театров и представители деловых кругов, чтобы сообща обсудить возможные пути совместного сотрудничества" ("Искусство плюс бизнес", "Вечерняя Москва", 8 октября). Как будто только они знают, что по прогнозам экономистов "бюджетная" культура в ближайшие полтора-два года должна тихо скончаться. Так и хочется спросить: доколе мы будем считать, что Государство должно содержать Культуру в полном объеме? Ведь ни в одной уважающей себя стране этого не происходит. Сотрудничество с федеральными органами необходимо, но должно быть взвешенным и исходить из понимания каждым деятелем культуры той грани, за которой заканчиваются возможности государства и начинается инициатива самих граждан. Или мы хотим уподобиться Тунису или Египту с их "государственной культурой"? Даже Национальный оркестр США имеет мощных спонсоров и приезжал к нам на гастроли на спонсорские деньги.

Неужели мы забыли, как бился с дирекцией императорских театров за прибавку к жалованию артистам хора и оркестра Мариинской оперы сам Э.Ф. Направник и даже в знак протеста пять месяцев не выходил к пульту! Правда, это произошло в далеком 1876 году (и первый государственный оркестр еще не родился), а Московская частная русская опера (С. Мамонтова) возникла только в 1885, но она работала без митингов и манифестов, открывая миру Рахманинова и Шаляпина. На смену ей (в 1904) пришел Оперный театр Зимина. Большевики не посмели закрыть театр, сделав его государственным, но в 1922—24 годах этот театр становится Акционерным обществом "Свободная опера С.И. Зимина"! А частная оперетта Ксендзовского и Феоны в Ленинграде (1928—41)? А Персифанс (полное название: Первый симфонический ансамбль Моссавета)?

В любом деле, в том числе и оркестровом, главное — инициатива. Но когда она исходит от руководителя (а до начала 90-х годов это было правилом), тогда и происходит то, что случилось с рядом новых коллективов — руководитель в какой-то момент теряет мобильность, свежие идеи для выживания его детища отсутствуют, а тут еще иссякает и финансовая подпитка... Пример: исчезновение поддерживаемого московской Мэрией оркестра под управлением Р. Фрайзитцера. И никаких судебных исков и тому подобных действий от пострадавшей стороны (оркестрантов) не поступало, потому что отстаивать свое персональное право на профессию мы не умеем. К тому же этот оркестр был не коллективом, а случайным сборищем музыкантов, призванным обслуживать одного господина. Эта традиция "существования при главном дирижере" не обошла и новые образования. А примеров оркестров, работающих по иному принципу (ни федерального подчинения, ни каких других), мы что-то не видим. И удивляемся, что мало хороших дирижеров...

Все знают, что власть развращает. Один наш пианист, только взяв в руки дирижерскую палочку, рассказывает, изрек: "Дирижирование — не профессия, а привилегия."

Мы действуем: продаем свой труд за гроши, причем делаем это сознательно, руководствуясь "практическим" соображением "я откажусь — другой согласится". Даже как будто ищем, где подешевле. Подавляющее большинство наших товарищей, работающих за рубежом, "шикуют" на 800—1.000 \$US в месяц (с оплатой жилья, полетов на родину, обучения детей и т.п.). Они бы рады заключить контракт через компетентную организацию, но таковой в России не существует. Многие наши коллективы выезжают на гастроли. К примеру, в Японию. Государство пару лет назад установило размер суточных в этой стране в размере 104 \$US. Раньше об этом можно было узнать в Госконцерте. А теперь? Руководители-то знают, но все ли коллективы получают такие суточные?

Дома работы тоже немало — к нам понаехало "на дармовщину" несметное количество "фирмачей" по записям CD и киномузыки. И начинается: директор Оркестра кинематографии называет одну цену за смену записи, директор Оркестра под управлением А. Альмейды — другую, более низкую, а какой-то отставной второй трубач, на свой страх и риск, без документов, за наличные набирает "варягов" из всех оркестров Москвы по бросовой цене — 10 \$US! Заказчику только того и надо: он знает, что русские из кожи вылезут, но запишут! За запись CD оркестрант получает 300 тысяч рублей (2—5 репетиций, 4—5 смен записи). Заказчик объясняет низкую оплату малым тиражом — тысяча экземпляров. Не задаваясь вопросом, какой смысл вообще выпускать такие диски, признаем, что это называется заработком, хотя уместнее это назвать благотворительностью. Это рынок? Нет, грабеж по обоюдному согласию. Мы "лезем из кожи", даже не задумываясь, сколько получает за запись дирижер, а сколько кладет себе в карман ликовый администратор, но известны случаи, когда эти суммы превышали наш гонорар в десятки раз! Согласен, что в правовом государстве работник не обязан быть в курсе заработков своих коллег — это неприлично. Но директор оркестра (или "Комитет по спасению" — назовем как угодно) должен иметь право отслеживать законность подоб-

ных сделок в интересах своих работников.

Из рассказов старых музыкантов известно, что "челноковый" опыт наши оркестранты стали приобретать благодаря выездам на гастроли за границу. Тогда валюту ввозить в страну было запрещено, вот и везли вещи на продажу. Возвращение оркестра домой в шутку называлось "обмен вещей", а отдельные "герои" даже получали прозвища вроде "Павел Вур" (за то, что был пойман на таможене с чемоданом модных тогда электронных часов) или "Мистер Адидас" (за покупку по дешевке целого мешка спортивных тапочек — но на одну ногу!). Рассказывают, что Мравинский как-то даже произнес: "От оркестра пахнет кримпленом"! Да, при большевиках было строгое ранжирование заработков, совмещения (кроме преподавания) не разрешались. А сейчас? Рынок заполнен и даже более дешев, чем западный. Все везут доллары. Так как мы можем получать за свой труд адекватно своему профессиональному уровню? Только благодаря организации, которая будет отстаивать наши интересы. Иначе нам остается, в лучшем случае, подобно солистам лучших оркестров страны, заниматься, к примеру, извозом, сдачей в аренду жилплощади, а то и уходить в торговлю.

Что же делать? Или нас устраивает министерская похлебка, становящаяся все жиже, и лишь некоторые из нас, выезжающие за границу, готовы строить свое материальное благополучие из расчета 30-35 \$US в сутки? И жить в плохих гостиницах (теперь — и в автобусах), зачастую поджигая их своими кипятильниками? Даже если мы согласны с этими не обсуждаемыми с нами условиями и готовы хоть круглый год питаться каленными яйцами и супами из пакетиков, то что, 12 тысяч "зеленых" обеспечат наше будущее? А ведь Государство и здесь приравняло нас к бизнесменам, установив квоту, при которой весь наш "челноковый" опыт пойдет прахом.

В Мариинском театре Санкт-Петербурга, к примеру, оркестранты, помимо подоходного налога с зарплаты, платят еще и налог в валюту после каждой зарубежной поездки! (Цена подобной "лояльности" перед налоговым ведомством оборачивается, как это ни печально, "засвечиванием" перед криминальным миром — разбойные нападения на оркестрантов и их жилища в Петербурге стали чуть ли не нормой). А Закон гласит, что суточные не облагаются налогом, так как не являются доходом. Что это, как не двойное налогообложение? В лучшем случае, это реверанс в адрес импресарио, освобождающий его по контракту от уплаты налога за счет оркестрантов, с которыми подобную ситуацию никто и не собирался обсуждать, по принципу: "не хочешь — не едь". На мой взгляд, это произвол, рассчитанный на элементарное незнание закона, а также на то, что отсутствует организация, которая могла бы отстаивать наши права — в Правительстве, в Думе, в суде. Или мы забыли, как наши балетные труппы ездили за границу (к примеру, в США) без оркестров — по воле какого-то мифического тамошнего профсоюза?

Все мы наслышаны о Директоратах западных оркестров. Но глубоко ошибаемся, считая, что эти формирования сродни нашим худсоветам — совещательным коллегиям при главных дирижерах. Это действенные органы, призванные "не спать ночами" ради блага любимого дела. Членами директоратов являются не только оркестранты, но и спонсоры, представители муниципалитетов, влиятельные лица, словом — личности, наделенные энергией, идеями, авторитетом, связями и чувством персональной ответственности за судьбу конкретного оркестра. Круг вопросов, который они решают, самый широкий: вопросы финансирования, поиск спонсоров и различного вида заработков, социальные проблемы, реклама, аренда, перспективы, приглашение достойного художественного руководителя и, конечно, конкурсные прослушивания в оркестр. Как мы видим, это — коллективный орган, призванный решать проблемы, в нашем представлении являющиеся прерогативой главного дирижера и директора при нем.

К слову сказать, оркестры Нью-Йорка ли, Филадельфии тоже бастуют, требуя прибавки к жалованию, — им тоже надо оплачивать квартиры, проживание, покупать автомобили, приобретать биржевые акции, оплачивать обучение детей, медицинскую помощь, думать о приближающейся старости... А ведь это, как нам теперь известно, в большинстве своем муниципальные или частные коллективы! И за что они борются при помощи своих профсоюзов? За прибавку к годовому заработку в 72 тысячи долларов? Да, и это не считая гонораров на гастролях (не менее 200-250 \$US в день), записей, фестивалей... Да дай нам такие деньги!.. Так и хочется спросить: кто из нас ненормальные — мы или они? Увы, думаю, ответ не в нашу пользу. Потому что мы, живущие и работающие здесь музыканты, забыв о надвигающейся нищете старости, прожывая "от зарплаты до зарплаты", как будто не понимаем: государство предупредило нас, что мы не Российская Армия, что нас оно содержать не сможет, что мы и так имеем передышку для самостоятельного решения своей судьбы — пока мы (в большинстве своем) живем в теплых жилищах, не платим за медицину и образование... А ведь нас, оркестровых музыкантов, работающих в симфонических и духовых оркестрах, музыкальных и драматических театрах, оркестрах русских народных инструментов и других, по самым скромным подсчетам, не менее двух миллионов! И нам, гражданам России, жить здесь, нам, избранныкам Музыки, положившим столько сил и времени на овладение профессией!

Вернусь к упомянутой заметке "Искусство плюс бизнес". Представители актерского цеха на этой встрече — поголовно члены Союза Театральных Де-

ятелей России. Таким образом, за их спиной — мощная организация, со своим опытом выживания, отлаженным аппаратом, а также бюджетом, формирующимся, в основном, из членских взносов. Кстати, членами СТД являются и многие музыканты из театральных оркестров. Они могли бы нам поведать о сети санаториев и поликлиник, о материальной и правовой помощи для членов этой негосударственной организации и даже о Домах для престарелых артистов. Помимо этого, член СТД, попадая в ситуацию вынужденного творческого простоя, имеет право на материальную компенсацию, и за ним сохраняется непрерывный стаж! Такая организация способна осуществить лоббирование в Правительстве и Думе жизненно важных для артистов законодательных актов и в первую очередь — Закона о меценатстве.

Деньги правят миром. Из этого триозма следует и то, что многие великие державы также переживают нашествие поп-культуры, и то, что на классическое и национальное искусство катастрофически не хватает денег. Каковы наши действия? Мы требуем принятия Закона о меценатстве, который позволит новоявленным Третьяковым и Морозовым обрушить золотой дождь на наши головы? Увы, нет.

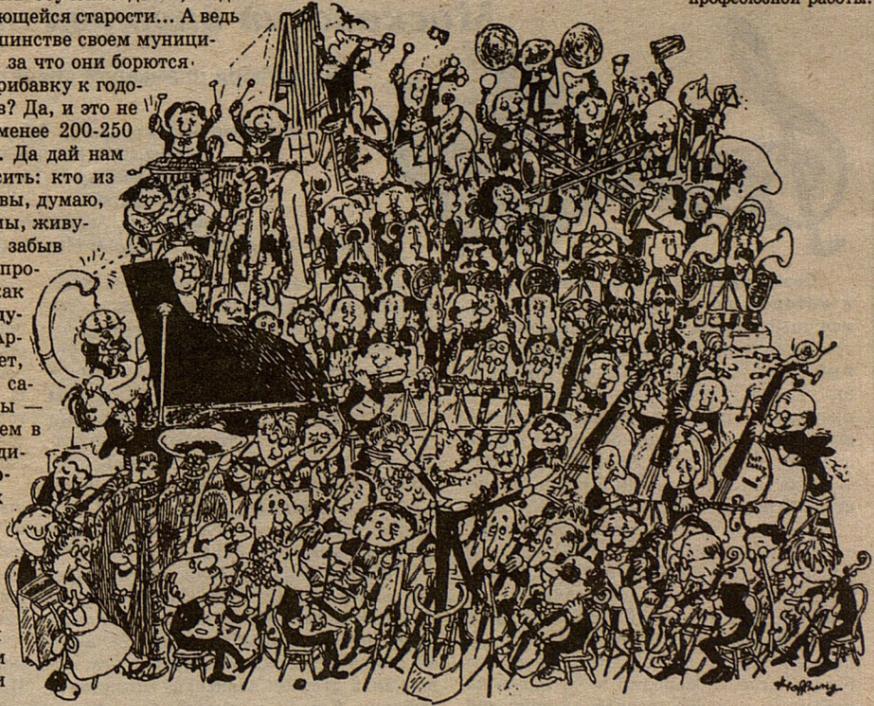
А что же мы? Или у нас нет своих специфических проблем, требующих неотложного решения, — определение социального статуса оркестрового музыканта или узаконивание списка профессиональных заболеваний, скидка на приобретение и ремонт музыкальных инструментов, юридическая и правовая помощь... Что мешает нам создать свой Независимый Профсоюз Оркестровых Музыкантов? Мы обязаны объединиться, чтобы впервые почувствовать себя гражданами, ответственными за свою судьбу и судьбу избранной нами профессии.

Каким я вижу будущий профсоюз? Это — центральная организация и отделения на местах (не более двух человек). Во главе стоит музыкант-оркестрант масштаба Т. Докшицера. В его подчинении находятся специалисты по экономике, юристы-правоведы, врачи-консультанты по профессиональным болезням, специалисты по работе по контрактам в России и за рубежом, специалисты по рекламе и организации концертной жизни, конкурсам и фестивалям — молодые люди (не старше 40 лет), владеющие иностранными языками и компьютером. В их функции входит и поиск спонсоров, для них обязательно умение работать с федеральными структурами, привлекать к решению важных вопросов депутатов всех уровней.

Конференция или какое другое собрание вырабатывает Устав и Программу организации — при учете опыта СТД, других творческих союзов и зарубежных организаций. При этом нужно постараться избежать их ошибок и разработать положения, которые опережают их достижения. В Уставе определены, кто может быть членом Союза, какие права и обязанности распространяются на членов организации (в частности, определен статус оркестрового музыканта). Членство — персональное, а не коллективное. В Программе отражаются задачи текущего момента: организационные вопросы, создание правовой базы для решения социальных проблем (право на профессию, пенсии, отпуска по болезни, нижняя граница оплаты для штатных работников и работников по найму, условия оплаты на гастролях, нормативные положения — рабочее время, перерывы, простои, вопросы приобретения и ремонта музыкальных инструментов — как во всем мире, с профессиональной скидкой, оплата амортизации инструментов и костюмов). Отдельный блок вопросов — взаимоотношения во время работы. Права руководителя творческого процесса и артистов оркестра четко оговариваются, имеют осмысленное толкование — это особенно важно для начинающих как дирижеров, так и инструменталистов. Программа отражает и вопросы профессионального обучения оркестровых музыкантов с точки зрения максимальной подготовленности молодежи к работе в оркестрах, предлагает новые формы работы в оркестровом классе и изучения оркестровых партий, распространение передового опыта ведущих педагогов и оркестрантов — как в других странах, включая вопросы ноты- и книгоиздательского дела.

Нам необходимо самим поднять престиж нашей профессии.

В. Козлов (род. в 1945) окончил Ленинградскую консерваторию в 1971 по классу фагота (проф. Г. Еремкин). Стаж оркестровой работы — 29 лет. Играл в оркестре Ленинградского ТЮза, сценическом оркестре Мариинского театра, Ленинградском оркестре старинной и современной музыки (был два года директором), Московском симфоническом оркестре под управлением В. Дударовой, оркестре Оперной студии Московской консерватории. В настоящее время — солист оркестра Кинематографии России, участник камерного ансамбля "Интермеццо". В составе коллективов гастролировал более чем в 20 странах. Имеет опыт профсоюзной работы.

От редакции: надеемся, что за монологом В. Козлова последуют отклики его коллег-оркестрантов. Редакция "МО" готова на первых порах стать координатором действий по созданию Профсоюза оркестровых музыкантов.